

**Федоров-Давыдов Александр
Александрович**

**Зимние сумерки: Рассказы,
сказки и стихотворения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович Ф.**
Зимние сумерки: Рассказы, сказки и стихотворения / Федоров-Давыдов
Александр Александрович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 114 с.

ISBN 978-5-519-78828-1

5-ое издание.

С рисунками художников Афанасьева, Литвиненко, Румянцева и др.

ISBN 978-5-519-78828-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

квартиркѣ обрадуется!.. Да и обѣдь у меня собранъ хоть куда, передъ своимъ братомъ-зайцемъ,—не совѣстно.

Той порою бѣжалъ мимо какой-то лисёнокъ — маленькій, худенькій, взъерошенный, сердитый-пресердитый; остановился онъ передъ норкой,—глядитъ въ упоръ на бѣднаго Зайку злыми глазами, съ недобрымъ огонькомъ, и зловѣще молчитъ. Видитъ онъ: заяцъ лежитъ себѣ на мху, благодумствуетъ, и знать никого не хочетъ. Завидно и досадно стало лисёнку на Косого; подскочилъ онъ къ водомоинкѣ дерзко.

— Это,—спрашиваетъ,—чья нора?

— Моя-съ,—говоритъ Зайка, да бойко такъ.

— А-а...—протянулъ лисёнокъ, облизываясь.—хорошая нора; она мнѣ очень нравится, ну, такъ уходи-же ты, братецъ, по-добру, по-здорову,—а здѣсь жить останусь теперь я!..

Опѣшилъ Зайка-Косой.

— Шутить изволишь,—говоритъ.—Зачѣмъ же это мнѣ уходить изъ моей собственной норы?..

Лисёнокъ оскалилъ зубы и взвизгнулъ:

— Н-ну!.. Разговаривай еще!..

Зайка-Косой кубаремъ изъ норы выскочилъ. Съ лисёнкомъ шутки плохія: такъ зубами цапнетъ, что и духъ вонъ.

Заплакалъ Зайка, махнулъ лапой на всё и пошелъ прочь отъ водомоинки, куда глаза глядятъ.

„Что жъ мнѣ теперь, горемычному, дѣлать?“— думаетъ,—„вечеромъ свадьба моя назначена, соберутся гости, а мнѣ ихъ и принять негдѣ“.

Идетъ онъ по тропинкѣ и плачетъ-заливается. И трава, и земляника, и грибы встрѣчные,—всѣ

на бѣдняка съ участіемъ смотрятъ, и всякъ по-своему о его кручинѣ толкуетъ.

Приходитъ Зайка къ невѣстѣ; видитъ,—сидятъ Заинька-Сѣренькая и ея маменька, старая Зайчиха, подъ елкой, рядышкомъ, и о немъ, Косомъ,

разговоръ ведутъ. Подошелъ къ нимъ Зайка, по-
здоровался и повѣдалъ имъ свое горе горькое.

— Такъ и такъ,—говорить,—вотъ со мной ка-
кая бѣда случилась. Нынче я съ зарею за работу
принялся; день-деньской, не покладая лапъ, надъ
отдѣлкой нашей норки трудился; убралъ ее, изу-
красилъ на славу. Такая квартира вышла, что
мое почтеніе! И вдругъ какой-то негодный лисѣ-
нокъ нагрянулъ на меня и оттягалъ мою норку,
а меня безсовѣстно вонъ выгналъ!

Взволновалась старая зайчиха.

— Хорошъ же ты, батюшка, какъ погляжу я
на тебя! — говоритъ. — Ты бы вмѣсто того, чтобы
воронъ-то считать, лучше за свое добро вступился.
А то на-ко, онъ какому-то непутному лисѣнку
свою собственность безъ боя отдать. Хорошъ ты,
сударь, нечего сказать. Ну, и что же ты дума-
ешь, — я мою ненаглядную Заиньку тебѣ, бездо-
мовнику, отдамъ? Ни за что!..

Зайка, было, ей проплакалъ:

— Выслушайте меня, маменька, какъ дѣло
было, и разсудите, виноватъ ли я въ этомъ?.. Гдѣ
же мнѣ противъ лисѣнка идти?.. А что до норы, —
такъ это дѣло наживное. Похлопочу, — за мною
дѣло не станеть,—и такую нору себѣ устрою —
лучше прежней... Зачѣмъ же вы счастье наше
разрушить хотите?..

Но зайчиха ни слова ему не отвѣтила, повер-

нулась спиной, и только ее въ лѣсу и видѣли съ Зайинькой-Сѣренькой.

Горше прежняго заплакалъ Зайка.

Сидитъ онъ на моховой кочкѣ и голосить на весь лѣсъ. И слышитъ вдругъ, словно кто-то хохочетъ за его спиной; обернулся, видитъ, — сѣ-

рый Волкъ съ Волчихой въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоятъ.

Обмеръ заяцъ. А Волкъ ему и говорить:

— Подойди-ка сюда, почтенный.

Бѣдный Зайка, замирая, подползъ къ нему и въ ноги упалъ.

— Ты, Косої,—спрашиваетъ у него Волкъ,—о чемъ это хнычешь?

Вздохнуль Зайка, подумаль немного и говорить:

— Какъ же мнѣ, господинъ Волкъ, не горевать, какъ не плакать?.. Задумаль я жениться; сталъ къ свадьбѣ готовиться. Туда сбѣгалъ, сюда сходилъ, то сдѣлалъ, это уладилъ,—всего не упомянишь. Потомъ квартирку устроилъ. Само собой, хоромы не хоромы, а такъ,—комнатка маленькая, потому что достатки наши малые, на нихъ и живемъ, не тужимъ. Ну, вотъ, обладилъ я квартирку, лежу въ ней гостей поджидаю. Вдругъ, откуда ни возмись, лисёнокъ бѣжитъ. Вскочилъ ко мнѣ въ домъ и началъ бушевать: — „Здѣсь я буду жить, — говорить, — а ты, по-добру, по-здорову, убирайся вонъ!“ И такъ мнѣ той порой горько стало, — не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій! Побѣждалъ я къ невѣстѣ. А маменька ея, какъ узнала, какое горе приключилось со мною, — выслѣшать меня не захотѣла и съ невѣстой моею въ лѣсъ убѣжали, только ихъ и видѣли. Вотъ и сижу я теперь и плачу, потому что, выходитъ, самый я несчастный заяцъ во всемъ нашемъ дремучемъ лѣсѣ!..

Захохотали Волкъ съ Волчихой,—только гулъ по лѣсу пошелъ; а бѣдный Зайка лежитъ, прижавшись къ землѣ,—ни живъ, ни мертвъ.

— По дѣломъ тебѣ, Косой, — говоритъ Волкъ, — ты бы еще больше зѣвалъ!..

— Да, вѣдь, я же, господинъ Волкъ, спины не разгибая, работалъ, а лисёнокъ безсовѣстно моимъ трудомъ воспользовался... Да я ничего, — обидно только!..

Обернулся Волкъ къ Волчихѣ и говоритъ:

— Какъ ты думаешь, хорошій изъ него ужинъ намъ будетъ?

Волчиха оскалила зубы и говоритъ:

— Худощавъ немного, а, впрочемъ, попробовать можно. Иди, Косой, за нами!..

II.

Тѣмъ временемъ провѣдала Зайнька - Стрѣнь-кая стороной, какая бѣда надъ Косымъ Зайцемъ приключилась. Зайнька она была добрая, чувствительная; голова у нея была горячая.

Жалко ей стало ненагляднаго своего жениха.

— „Эхъ, — думаетъ, — была не была, попробую я какъ-нибудь Зайку отъ бѣды спасти“.

Бросилась она къ маменькѣ.

— Какъ мнѣ, — говоритъ, — быть?

Старушка была разсудительнѣе дочери.

— Что жъ, — отвѣчаетъ, — тутъ дѣлать нечего. Ужъ такая наша доля. Самъ Косой виновать.

Попался, — ну, себя и вини. Покориться надо этому.

Зайныка и то и се; Зайчиха только головой трясеть.

— Ничего,—говорить,—не подѣлаешь... Я лисёнка не виню, — онъ, какъ многіе, поступаетъ: Загрубѣли всѣ мы очень... Больше о себѣ, чѣмъ о другихъ думаемъ... Оно конечно,—у каждаго въ сердцѣ есть чуть замѣтная искорка любви и участія къ другимъ, даже у самаго холоднаго существа. Только трудно искорку-то эту разжечь, хоть бы у того же волка, напримѣръ. А бываютъ случаи!..

— Маменька, а ежели пойти да попросить Волка пощадить Зайку?

Усмѣхнулась Зайчиха на это.

— Ахъ,—говорить,—глупая; да онъ, Волкъ-то, на тебя и не посмотритъ, прямо шкуру сдеретъ.

Подумала, подумала Зайныка и спрашиваетъ:

— Маменька, а это очень больно?

— Что больно-то, дитятко?

— Да вотъ, когда кожу-то сдирать стануть?

Зайчиха во всѣ глаза смотреть, усмѣхается.

А Зайныка больше ни словечка матери не сказала. Выждала она, пока маменька спать улеглась, тихонько на прощанье ее поцѣловала—и маршъ къ Волку Сѣрому съ доукой.

— „Авось,—смекаетъ,—Волкъ надъ нами смилуется... Маменька вонъ сказываетъ, — и у него

искорка то эта есть... А корысть ему въ насъ—небольшо великая!..“

III.

Бѣжить моя Зайныка-Сѣренькая лѣсомъ темнымъ, дремучимъ, песками сыпучими, болотами топучими, черезъ хворостъ, буреломъ, ни усталы, ни страха не зная, — и одна только тоскливая мысль ей сердце гложетъ, что опоздаетъ она Зайкѣ на помощь прибѣжать.

Бѣжала она, бѣжала, часа два безъ передышки, во всю прыть бѣжала. Прибѣгаетъ, наконецъ, на ту полянку, гдѣ Волкъ въ тотъ вечеръ своимъ гостямъ праздникъ устроилъ. Схоронилась Зайныка за кустиками, — духъ перевести не можетъ, лапками мордочку утираетъ; выглянула изъ-за вѣтокъ на волчью компанію, и сердце у нея сжалось отъ страха и отчаянія.

Батюшки мои! Вотъ ужасъ-то!.. Сколько тутъ разныхъ страшныхъ звѣрей собралось!.. И волки, и лисицы, и куницы; даже какой-то медвѣженокъ въ гости къ Волку пожаловалъ.

А посреди нихъ, подлѣ самаго костра, надъ которымъ котелъ съ похлебкой кипитъ, нашъ бѣдный Зайка сидитъ и покорно своей участи ждетъ, а самъ, какъ осиновый листъ, дрожитъ. На что тварь, а и у него слезы такъ ручьемъ и текутъ, такъ и текутъ.

А звѣри вокругъ него сидятъ и подтрунивають надъ нимъ.

Не выдержала тутъ Заинька, — „эхъ, — думаетъ, — все одно пропадать, — была не была, на людяхъ и смерть красна, а особенно вблизи съ хорошимъ зайцемъ“, — и храбро изъ своей засады выскочила.

— Тише, — кричитъ, — господа! Остановитесь!..

Сразу все сборище утихло.

Подошла Заинька-красавица къ Волку, къ самой пасти его страшной подошла, и говорить, да тихо-тихо такъ, чуть слышно:

— Ты, Волкъ, отпусти насъ съ Зайкой на волю... Мы твоего благодѣянiя во вѣкъ не забудемъ... Отпусти. А то лучше и меня съ нимъ вмѣстѣ убей!.. Я въ твоей власти... Что хочешь, то и дѣлай со мной, а я прямо скажу, — не хорошо ты съ Зайкой поступилъ, отъ лисѣнка не защитилъ, и Зайку же за его безотвѣтность съѣсть хочешь!.. Нехорошо!.. Вотъ что.

И вотъ, — вѣрьте мнѣ, не вѣрьте, такая вдругъ тишина воцарилась, словно все замерло.

Поднялся съ земли Волкъ Сѣрый и говоритъ:

— Ай-да, Заинька!.. Откуда этакой храбрости набралась? Молодчина, право! По-нашему!.. По душѣ! Эхъ, ты, простая душа!..

А какое тамъ — храбрость, — Заинька еле-еле на ногахъ стоитъ, еле себя помнить.

— Слышь ты, Косой... — крикнулъ Волкъ, — бѣги

что-ли! Мы съ гостями пустой похлебки похлебаемъ... Да впередъ, слышь, не попадайтесь, въ другой разъ не пощажу... А насчетъ того, что лисенокъ у тебя нору отнял, такъ вы берите ее себѣ назадъ, а мы за нее съ лисенкомъ сочтемся!

Вскрикнули зайчата отъ радости, обнялись, даже Волку „спасибо“ сказать забыли, и только ихъ въ лѣсу и видѣли!..

